

А.К.ТОЛСТОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

А. К. ТОЛСТОЙ

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В
ЧЕТЫРЕХ
ТОМАХ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
Москва 1963

А. К. ТОЛСТОЙ

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

•
**ТОМ
ВТОРОЙ**

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
Москва 1963

Подготовка текста и примечания
И. ЯМПОЛЬСКОГО

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ДОН ЖУАН

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

(Посвящается памяти Моцарта и Гофмана.)

Aber das ist die entsetzliche Folge des Sündenfalls, daß der Feind die Macht behielt, dem Menschen aufzulauern, und ihm selbst in dem Streben nach dem Höchsten, worin er seine göttliche Natur ausspricht, böse Fallstricke zu legen. Dieser Conflict der göttlichen und dämonischen Kräfte erzeugt den Begriff des irdischen, so wie der erfochtene Sieg den Begriff des überirdischen Lebens.

Hoffmann¹

¹ Но таково несчастное последствие грехопадения, что враг получил силу подстерегать человека и ставить ему злые ловушки даже в его стремлении к высшему, в котором сказывается его божественная природа. Это столкновение божественных и демонических сил обуславливает понятие земной жизни, точно так же, как одержанная победа — понятие жизни неземной.

Гофман

ПРОЛОГ

Красивая страна. Весенний вечер. Захождение солнца. Небесные духи спускаются на землю.

Д у х и

Из иной страны чудесной,
Людям в горести помочь,
Нас на землю царь небесный
Посылает в эту ночь;
Принести живое слово,
Жатвы все благословить,
Человека к жизни новой
Ободрить и укрепить!

О д и н д у х

Жаль мне рода, что для хлеба
Маять век свой осужден;
Мысль его стремится в небо,
Сам над плугом он согбен;
Всем страданиям, без изъятья,
Должен дань он заплатить,
И не лучше ль было б, братья,
Вовсе смертному не жить?

Другой дух

Все явления вселенной,
Все движенья вещества —
Всё лишь отблеск божества,
Отраженьем раздробленный!
Врозь лучи его скользя,
Разделились беспредельно,
Мир земной есть луч отдельный —
Не светить ему нельзя!

Третий дух

Бог один есть свет без тени,
Нераздельно в нем слита
Совокупность всех явлений,
Всех сияний полнота;
Но струящаясь от бога
Сила борется со тьмой;
В нем могущества покой —
Вкруг него времен тревога!

Четвертый дух

Мирозданием раздвинут,
Хаос мстительный не спит:
Искажен и опрокинут,
Божий образ в нем дрожит;
И всегда, обманов полный,
На господню благодать
Мутно плещущие волны
Он старается поднять!

Пятый дух

И усилиям духа злого
Вседержитель волю дал,
И свершается всё снова
Спор враждующих начал.
В битве смерти и рожденья
Основало божество
Нескончаемость творенья,
Мирозданья продолженье,
Вечной жизни торжество!

Шестой дух

Вечно вокруг текут созвездья,
Вечно светом мрак сменен:
Нарушение и возмездье
Есть движения закон.
Через всемирное явленье
Бог проводит мысль одну
И, как символ возрожденья,
За зимой ведет весну!

Седьмой дух

Вот она, весна молодая,
Свежим трепетом полна,
Благодатная, святая,
Животворная весна!
В неба синие объятья
Поднялась земли краса,—
Тише! Слышите ли, братья,
Все ликуют без изъятья,
Все природы голоса!

Все

На изложинах росистых,
На поверхности озер,
Вдоль ручьев и речек чистых,
И куда ни кинешь взор,
Всюду звонкая тревога,
Всюду в зелень убрана,
Торжествуя, хвалит бога
Жизни полная весна!

Проходят облака

Миновало холодное царство зимы,
И, навстречу движенью живому,
В юных солнца лучах позлатились мы
И по небу плывем голубому.
Миновало холодное царство снегов,
Не гонимы погодою бурной,
В парчевой мы одетые снова покров,
Хвалим господа в тверди лазурной!

Расцветают цветы

Снова небо с высот улыбается нам,
И головки подняв понемногу,
Воссылаем из наших мы чаш фимиам,
Как моление господу богу!

Пролетают журавли

По небесным пространствам спеша голубым,
Где нас видеть едва может око,
Ко знакомым местам мы летим и кричим,
Длинной цепью вьась издалека.
Видим сверху мы праздник веселый земли,
Здесь кончается наша дорога,
И мы кружимся вокруг, журавли, журавли,
Хвалим криками господа бога!

Озера и реки

Зашумели ручьи, и расторгнулся лед,
И сквозят темно-синие бездны,
И на глади зеркальной таинственных вод
Возрожденных небес отражается свод
В красоте лучезарной и звездной!
И вверху и внизу всё миры без конца,
И двояко является вечность:
Высота с глубиной хвалят вместе творца,
Славят вместе его бесконечность!

Солнце зашло.

В роще запевает соловей

Нисходит ночь на мир прекрасный,
Кругом всё дышит тишиной;
Любви и грусти полон страстной,
Пою один про край иной!
Весенних листьев трепетанье,
Во мраке веющие сны,
Журчанье вод, цветов дыханье,
Всё мне звучит как обещанье
Другой, неведомой весны!

Д у х и

Блажен, кто прост и чист душою,
Чей дух молитве не закрыт,
Кто вместе с юною землею
Творца миров благодарит,
Но мыслью вечно восходящей
Не в жизни ищет идеал,
И кто души своей любящей
Упорно к ней не приковал!

С о л о в е й

Весны томительная сладость,
Тоска по дальней стороне,
Любовь и грусть, печаль и радость
Всегда межуются во мне,
Но в их неровном колыханье
Полны надежд мои мечты:
Журчанье вод, цветов дыханье,
Всё мне звучит как обещанье
Другой, далекой красоты!

Д у х и

Чем тени сумрачной ночные,
Тем звезды ярче и ясней;
Блажен в беде не гнувшийся выи,
Блажен певец грядущих дней,
Кто среди тьмы денницы новой
Провидит радостный восход
И утешительное слово
Средь общих слез произнесет!
И тьму пусть терпит божья воля,
Явлений двойственность храня,—
Блаженны мы, что наша доля
Быть представителями дня!
Пути творца необъяснимы,
Его судеб таинствен ход,
Блажен, кто всех сомнений мимо
Дорогой светлую идет!

Г о л о с

Прекрасно всё. Я радуюсь сердечно,
Что на земле теперь весна.
Жаль только, что ее краса недолговечна
И декорация уж слишком непрочна!

Д у х и

Кем здесь нарушена святая тишина?
Чей голос разбудил уснувшие долины?

Г о л о с

Я живописи тень. Я темный фон картины,
Необходимости логическая дань.
Я нечто вроде общей оболочки,
Я черная та ткань,
По коей шьете вы нарядные цветочки.

Д у х и

Зарницы блещут. Из болот
Седой туман клубится и встает,
Земля под нами задрожала —
О братья, близко здесь недоброе начало!

Г о л о с

Хотя не Слово я, зато я все слова!
Всё двигаю собой, куда лишь сам ни двинусь;
По математике я — минус,
По философии — изнанка божества;
Короче, я ничто; я жизни отрицанье;
А как господь весь мир из ничего создал,
То я тот самый матерьял,
Который послужил для мирозданья.
Клеветникам назло, прогресс во всем любя,
Чтоб было что-нибудь, я в дар принес себя,
Не пожалел отдать часть собственного теста,
Чтоб вылепиться мог вселенной сложный шар;
А так как быть нельзя, не занимая места,
То в остальное он вошел, как в свой футляр.

Когда вы, полные восторженной хвалою,
Поднявши очи к небесам,
Акафисты свои поете фистулою,
Я к звонким вашим дишкантам
Фундаментальный бас.

Д у х и

По дерзостным речам
Тебя узнать легко. Явись же лучше к нам
И не веди происхожденья
Хвастливо от предвечной тьмы;
Увы, ты был, до дня паденья,
Таким же светлым, как и мы!

Г о л о с

Мне грамоту мою отстаивать — бесплодно;
Во мне так много есть сторон,
Что быть готов я, коль угодно,
Не что иное, как *бурбон*.
Но если с этой точки зренья
Мы будем на мое смотреть происхождение,
Тогда осмелюсь сказать,
Вам не во гнев и не в обиду,
Что я, имев несчастье потерять
Архангельский мой вид, лишился вовсе виду.
Поэтому, коль я вам подлинно собрат,
То одолжите мне, любезные собратья,
Какой-нибудь наряд,
Приличный облик, или платье!

Д у х и

Бери любой; явился нам
Как змий, как ворон, иль иначе!

С а т а н а

(*является в виде черного ангела*)

Вот так известен я певцам,
А живописцам наипаче.

Первый дух

Замолкнул соловей, поблекнули цветы,
Подернулись звезды облаками...
Скажи, погибший брат, чего здесь хочешь ты
И что есть общего меж нами?

Второй дух

Дух отрицания, безверия и тьмы!
Дух возмущенья и гордыни!
Тебя ли снова видим мы,
Врага и правды и святыни?

Третий дух

Ты ль, мной самим, как червь, низверженный
во прах,
Теперь, с насмешкой на устах,
Держаешь в сонме сем являться?

Сатана

Превосходительный! не стыдно ль так ругаться?
Припомни: в оный день, когда я вздумал сам
Владыкой сделаться вселенной
И на великий бой поднялся дерзновенно
Из бездны к небесам,
А ты, чтоб замыслам противостать свободным,
С негодованьем благородным,
Как ревностный жандарм, с небес навстречу мне
Пустился и меня шарахнул по спине,
Не я ль в той схватке благотворной
Тебе был точкою опорной?
Ты сверху напирал, я снизу дал отпор;
Потом вернулись мы, я вниз, ты в поднебесье,
И во движенье сил всемирных с этих пор
Установилось равновесье.
Но если б не пришлось тебе меня сшибить
И, прыгнув сгоряча, ты мимо дал бы маху,
Куда, осмелюся спросить,
Ты сам бы полетел с размаху?